

*Игорь Борисович МУРАВЬЕВ —
доцент кафедры философии,
кандидат философских наук*

УДК 130.2

ЧЕЛОВЕК В ДИАЛОГЕ КУЛЬТУР И ПРОБЛЕМА ВЫБОРА ИДЕАЛА

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена выявлению представлений о совершенном человеке в сознании современного россиянина. Предложена классификация этих представлений в российской культуре. На основе принципов диалогизма проводится критика догматическо-релятивистской позиции, согласно которой гарантом терпимого отношения к инакомыслию является неуверенность в собственной правоте и вера в то, что истина проявляет себя исключительно различным образом. Предложен один из возможных вариантов выбора идеала.

The author considers the concepts of an ideal person circulating in the contemporary Russian culture and offers his classification of these concepts. The author attracts "the principle of dialogism" to criticize dogmatic and relativist assumptions of many-sided truth and of uncertainty being guarantor of tolerant attitude of dissident ideas. One of the possible variants of choosing an ideal is offered.

Что такое человек? Что значит жить по-человечески? Кто может быть назван совершенным человеком? Какие точки зрения существуют по этому поводу? Как разобраться в многообразии ответов, которые были даны на эти вопросы различными людьми в различные эпохи? Как, познакомившись с противоречивыми мнениями, сделать правильный выбор, избежав крайностей догматизма, скептицизма и релятивизма? Чтобы попытаться ответить на некоторые из этих «вечных» вопросов, необходимо привлечь исторический материал, так как в нем можно усмотреть особую актуальность, современность, непройденность культур прошлого, которые нам приходится заново осваивать, творчески воспроизводить в своей повседневной жизни. Из значимых философских фигур современной России на необходимость обращения к опыту прошлых культур указывал недавно ушедший из жизни В. С. Библер.

Принимая методологию В. С. Библера, следует сказать, что то, о чем речь последует ниже, — отнюдь не специальное историко-философское исследование, а скорее попытка философского самосознания автора зафиксировать в своем внутреннем духовном мире, в своей ментальности общение иных представлений о совершенном человеке, нашедших свое воплощение в произведениях соответствующих культур. Важность подобной фиксации определяется, кроме всего прочего, еще и тем, что в ходе диалога культур, происходящего не только в душе каждого человека вне зависимости от того, осознает он это или нет, но и в социуме, между индивидами, его составляющими, формируется представление о человеке, исходя из которого рождается новая ментальность и творится новая общественная культура. Представление о совершенном человеке является идеалом, который регулирует межчеловеческие отношения. Он выступает целью, объединяющей индивидов для решения общих задач, и служит положительным полюсом, помогающим личности ориентироваться в мире, пронизанном силовыми полями добра и зла.

Историчность разума и концепция диалога культур

При обращении к иным культурам нетрудно заметить отсутствие единого на все времена ответа для каждого из конкретно-исторических периодов. Философские труды М. Хайдеггера учат нас тому, что греки, мыслившие истинное бытие под знаком современности и всеобщности логоса, предопределили западноевропейский опыт бытия, согласно которому разум всегда един и то, что он признает истинным, должно

быть истинным всегда. В действительности мы наблюдаем фактическую зависимость разума от выходящих за его пределы экономических, общественных и политических сил. На это одним из первых обратил внимание К. Маркс, когда, в противовес идеалистам, указал на зависимость сознания от бытия. Совершенно с других позиций на непрозрачность разума самому себе указывали Ф. Ницше и З. Фрейд. Подвести черту под этими краткими рассуждениями можно словами Х. -Г. Гадамера, который сказал о разуме, что «когда он себя осознает, он осознает разумность чего-то, то есть познает себя через что-то, не являясь при этом господином самого себя. Его собственная возможность постоянно сопряжена с чем-то самому ему не принадлежащим, но с ним случающимся...» [7, с. 98]. Хотя в нашу эпоху торжества историзма становится ясно, что идея абсолютного человеческого разума — иллюзия: господство античной метафизики над самопониманием человека, осознающего свою конечность и историчность, настолько велико, что признать нашему мышлению существование нашего разума лишь в конкретно-исторических формах невероятно трудно.

В. С. Библер, отрицая существование абсолютного разума, отстаивал концепцию диалога многих культурных форм разумов, претендующих, как и положено всякому настоящему разуму, на абсолютную всеобщность. В признании существования многих конкретно-исторических разумов и актуальности былых культур он видел залог нравственного отношения человека к другим и к самому себе. В своих работах этот философ развивал идеи М. М. Бахтина о диалоге культур. В небольшой статье «Ответ на вопрос редакции «Нового мира», являющейся философским завещанием М. М. Бахтина, есть образ культур-личностей, восходящий к О. Шпенглеру. В отличие от автора «Заката Европы», у которого культуры замкнуты и непроницаемы друг для друга, что, как ни странно, не мешало ему «вскрыть» их сущность, М. Бахтин пишет об «общении» культур между собой в «большом времени» единой истории мировой культуры. По-видимому, не без усилий В. С. Библера образ «диалога культур» прочно утвердился ныне в общественном сознании, приобретая едва ли не статус мифа.

«Культура, — по В. С. Библеру, — есть форма одновременного бытия и общения людей различных — прошлых, настоящих и будущих — культур, форма диалога и взаимодействия этих культур» [6, с. 289]. Такое общение происходит в настоящем, в со-бытии и взаимопорождении этих культур. Оно становится возможным благодаря тому, что в отстраненном от человека произведении культуры воплощено в плоть полотна, звуков, красок, камня его собственное бытие. Поэтому, обращаясь к иным культурам, даже через, казалось бы, мертвую материю, мы как бы слышим призывы людей, которые, желая быть услышанными, понятыми, воплотили в безжизненном материале свои мысли, чаяния, тревоги. Ведь любой художник, создавая свое произведение, создает его с учетом того, что оно станет объектом созерцания и интерпретации других людей. Таким образом, любое произведение культуры является формой общения индивидов в горизонте общения личностей и формой общения личностей как (потенциально) различных культур [там же].

В произведениях культуры запечатлены, нашли свое отображение представления о совершенном человеке, о человеческой норме, сложившиеся в ту или иную историческую эпоху. Осознание существования представлений, отличных от наших, а также обнаружение в своей ментальности наличия этих взглядов, норм, идей, способов мышления помогает нормальному творению индивидуальной и общественной жизни. Ведь понимая и осознавая Другого, его инаковость, себя самого как Другого, мы приобретаем возможность преодолевать свою детерминированность привычками, характером, психологией, средой, освобождаемся от необходимости следовать предписаниям внешнего, что позволяет быть самими собой, сознательно и творчески строить свою жизнь, не отвергая, а подчиняя себе внеличностное, или осознанно ему подчиняясь. По этой причине иные культуры, присутствующие в нашей ментальнос-

ти, не теряют своего значения. Претендующие на истинность, они современны друг другу, так как истины всегда современны. По В. С. Библеру, здесь нет гегелевского снятия, так как нельзя сказать, что Средневековая культура, к примеру, выше Античной, а Данте — художественней Эсхила.

Трудно представить полноценную жизнь без учета, взаимодополнения и взаимоисключения, без общения с другими индивидами, общностями, культурами. Особенно сильно роль коммуникации возрастает, когда возникает необходимость создания нового самосознания и взаимоприемлемых правил социальной жизни. В этом нам может помочь наша историческая память. В кризисное время, в эпоху перемен люди, как никогда ранее, начинают искать нечто придающее им уверенность, восстанавливающее доверие к миру и человеку. В диких судорогах современного бытия, как пишет В. С. Библер, «мы спешим к рецептам и закланиям. Но действительно насущно для нас (хотя и неохота, да и некогда) — остановиться, отстраниться и внимательно всмотреться в свое (не сиюминутное, но...) историческое Я» [4, с. 17].

Основания классификации представлений о совершенном человеке

Для того чтобы выявить представления о совершенном человеке в российской ментальности, вначале следует определить основания для их классификации. Для решения этой задачи нам необходимо обратиться к анализу предпосылок российской культуры, так как автор данного исследования принадлежит этой культуре и имеет соответствующую ментальность. Российская культура сложилась в результате великого смешения славянских, финно-угорских, тюркских и других народов, их этнических культур. Но особое место в ней занимают античная и библейская традиции, дошедшие до нас из глубины веков прежде всего через посредство Византии. В Древнем Израиле и Греции времен пророков и первых философов впервые возник тот образ мыслей, то мироощущение, которое, несмотря на все изменения, продолжает определять нашу жизнь. Недаром эпоху существования этих цивилизаций К. Ясперс назвал «осевым временем».

Кроме «осевых» культур, для современной российской культуры имеют значение также следующие исторические и актуальные предпосылки: культуры, предшествующие современности; тип христианства, сложившийся к XX веку (православие, католичество, протестантизм); исламская культура; культура народов Дальнего Востока. Россия, как страна во многом европеизированная, ориентируется главным образом на Америку и Западную Европу. Западный мир для многих россиян, как политиков, так и рядовых граждан, служит эталоном, образцом подлинного мира. Но как бы то ни было, российская культура, по крайней мере русская, является частью европейской. Поэтому анализ ее ментальности во многом тождественен исследованию культуры Запада, которая в своем историческом развитии прошла этапы античности, средневековья, Нового времени.

Европейские мыслители М. Шелер, Э. Кассирер, М. Бубер и др. хорошо исследовали содержание антропологических парадигм и их значение для современного западного самосознания. Основываясь на их работах, выявить представления о совершенном человеке в европейской ментальности относительно легко. К сожалению, этого нельзя сказать об отечественной культуре. Поэтому раскрыть содержание специфически российских представлений о совершенном человеке достаточно трудно. Их упоминание продиктовано необходимостью постановки проблемы, которая может стать предметом и перспективой дальнейших исследований.

Представления о совершенном человеке в европейской культуре

Античность: Сократ

В античности человек мыслился как часть Вселенной, как малый мир, микрокосмос. Во вселенной правит неотвратимый рок и Мировой Разум, по закону которого происходит оформление всего сущего. Совершенный человек, соответственно, тот,

кто постиг веления судьбы и кто живет по закону Разума, управляющего жизнью природы, общества, индивида. Ведь в этом случае обретается подлинное счастье и/или невозмутимость духа. Человек уже не является пешкой в неведомой игре, а становится актером, талантливо играющим роль, предложенную ему судьбой. Участие в драме жизни — участь героев: необходимо, во-первых, уметь победить врагов, как внешних, так и внутренних; во-вторых, помочь другим мудро, мужественно, справедливо и без излишеств пройти свой жизненный путь; и, наконец, бесстрашно принять неизбежное.

Эллинский стиль жизни обязательно предполагал обращенность к внешнему, иному, будь то космос или человек. Грек, как правило, не представлял себе жизнь, изолированную от общения с другими людьми. Лица, удаляющиеся от людей, осуждались общественным мнением. Даже стремясь к самодостаточности, античный философ понимал, что без объединения с единомышленниками ему не удастся приблизиться к искомому идеалу. Герой потому и является героем, что он, осуществляя веления разумной природы, гармонизирует Вселенную, превращает хаос в космос, предотвращает конфликты, столкновения, как социальные, так и внутренние, душевные. Взаимодействие с людьми и оформление хаоса их душ, согласно древним, возможно лишь при помощи разума, который показывает, что такое «я сам», что действительно мне необходимо и как необходимого добиться.

По мнению древних, начиная с Ксенофонта и Платона, вышеперечисленным требованиям отвечала фигура Сократа — сына каменотеса и повивальной бабки. С одной стороны, Сократ был добропорядочным гражданином, храбрым и выносливым воином, веселым товарищем, с другой, — проводил время в беседах, в ходе которых принуждал сограждан давать самоотчет по поводу собственной жизни и указывал на ее истинный смысл. Обыгрывая особенности своего происхождения, афинский философ сравнивал себя с ваятелем, но не безжизненных статуй, а человеческих душ, и с акушером, помогающим не женщине разродиться смертным ребенком, но душе вывести на свет бессмертную истину. За свою философскую деятельность Сократ подвергся судебному преследованию. На суде он виртуозно защищался, играя жизнью как мячом, но был осужден на смертную казнь. Однако в тюрьме Сократ отказался от побега. Во-первых, он доказывал, что всего более надо ценить не жизнь как таковую, но жизнь хорошую. Во-вторых, побег означал бы причинение зла его родным, близким, т. к. нарушение закона приводит к подрыву закона вообще, что несправедливо по отношению к родному городу. Ведь зло все равно останется злом, и его надо избегать всегда.

Для европейцев этот афинский философ до сих пор является образцом человека. Сократа часто сравнивают даже с Христом. Истинность духовных исканий Сократа подтверждаются его жизнью и смертью.

Христианство: Иисус Христос

Наполеон говорил, что всю жизнь стремился завоевать сердца людей, а Христос это сделал без войска, и миллионы его последователей умирают за него. Итак, совершенный человек в христианстве — это второй Адам, Иисус Христос.

Особую роль в данной религиозной традиции отводят не столько человеческому разуму, сколько Откровению Бога, запечатленному, прежде всего, в Священном Писании — Библии. Священное Писание повествует, что после грехопадения первых людей человеческая природа, в т. ч. сила интеллекта потомков Адама и Евы, значительно деградировала. Согласно Библии, человек — это прах и пепел, глина, которая оживлена Божьим дыханием. Таким образом, человек полностью зависит от Бога, единственного подателя жизни во Вселенной. Однако первый человек, Адам, нарушив Божий закон любви, отделил себя от Жизни. Для того чтобы вернуть людям утраченное, Бог наказание за совершенное преступление перенес на Себя. Сын Божий (Второе Лицо Троицы, Бог Слово) в определенное время стал человеком. Одним

из самых тяжелых искушений для Него было, пожалуй, смирение. Но там, где первый Адам пал, второй Адам победил: Бог Сын подавил стремления плотского «Я» помыкать другими, жить для себя. Иисус, живя в грешном теле, полностью исполнил волю Отца, искупив своей смертью наказание рода человеческого. Своей жизнью и смертью Христос явил характер Божьей любви. Следуя за Христом, человек распинает силой Божией свои грехи, тем самым освобождаясь от власти беззакония и смерти. Бог наделяет человека самобытностью, способностью к творчеству, истинным знанием о духовном мире, способностью любить. Таким образом, благодаря Христу человек становится личностью, неискаженным подобием Бога.

В средние века образ Иисуса Христа претерпевал изменения, связанные с культурно-историческими факторами. В народном сознании фигура Сына Божьего заслонялась образами многочисленных святых, чьи жизнеописания читали и чьи жизни считались приближенными к идеалу. С превращением средневекового христианства в государственную религию оно превратилось из гонимого в гонителя. По-видимому, иначе и быть не может, если человек, убежденный в своей правоте, считает, что он вправе насильственно подавлять чужую точку зрения, делать за другого духовный выбор. Как показала история, подобный подход оборачивается негативными последствиями, которые нашли свое выражение в преследовании инакомыслящих, религиозных войнах, нравственном разложении самих верующих. Однако несмотря на уроки истории, для большинства верующих нашей страны ориентация на религиозность средневекового человека остается актуальной.

Новое время: Фауст

В Новое время с ослаблением античного и средневекового чувства греховности появилось представление о могуществе человека и божественной силе его интеллекта, посредством которого он может господствовать над природой. Человеческому разуму были приписаны способности Логоса, Бога: постигать истину, целеполагать, системосозидать, упорядочивать хаос эмпирического бытия, конституировать мир явлений и т. д. Наряду с возвеличиванием человека и его разума происходит обожевление природы и культуры. Совершенный человек эпохи Нового времени — это гений, разгадывающий тайны бытия, самостоятельно строящий собственную жизнь. В качестве образца совершенного человека этой эпохи может быть приведен и Фауст Гете и сам Гете, в личности которого тесно переплелись поэтическое творчество, научные изыскания и философско-мировоззренческие поиски. Образ Фауста символичен и трагичен. Фауст стремится к познанию, которому не видно конца. Испробовав в жизни все, он чувствует себя счастливым лишь будучи слепым стариком, когда слышит, как по его приказу дьявол (Мефистофель) преобразует окружающий мир. Однако слепец ошибается: черти не роют канал, а копают могилу для Фауста.

Новоевропейское представление о совершенном человеке впоследствии постигла та же участь, что и обманувшегося искателя истины, описанного Гете. Великие надежды европейского человечества во многом не оправдались: грандиозные успехи экспериментально-математического естествознания, тесно связанного с практикой, обернулись возможностью полного исчезновения человечества; вера в неограниченные возможности рационального, планомерного улучшения социальной действительности привела к возникновению тоталитарных режимов; принцип натурализма, положенный в основание новой науки, разрушил понимание человеком своей природы.

Одним из первых, кто обратил внимание на отсутствие единой антропологической парадигмы в культуре второй пол. XIX – нач. XX вв., был Э. Кассирер. Осмысливая сложившуюся ситуацию, он писал, что многие мыслители, заявлявшие о своей приверженности исключительно фактам, на деле с самого начала допускают их произвольное истолкование. В результате они создают свои собственные картины человеческой природы. Одни (Ницше) провозглашают волю к власти, другие (Фрейд)

подчеркивают роль сексуального инстинкта, третьи (Маркс) возводят на пьедестал экономический инстинкт [8, с. 466]. Обилие фактов, которыми мы располагаем, не помогает, а мешает разобраться в проблеме человека. Европейец оказался неподготовленным к открытиям и переменам, которые сам же и осуществил. Единая картина мира отсутствует. Каждая из областей человеческой деятельности претендует на свою исключительность. Неевропейские культуры, выйдя на мировую арену, заявляют о своей значимости. Мир стал подобен времени Вавилонского столпотворения. Его отличительной чертой является и отсутствие единства в понимании человеком самого себя. Какой же идеал человека стал самым популярным в XX веке?

XX век: Сизиф

Научное миропонимание включает в себя объяснение Вселенной и человека путем использования эмпирических наблюдений и общих логических операций для построения теоретической модели мира в целом на основе принципа натурализма. Согласно естественнонаучному направлению, мир сам по себе не имеет разумности и цели, нравственное существование человека в нем возможно лишь на основе мыслящего самосознания, призванного во мгле бытия «собою заменять свет звезд». Человек, вынужденный искать опору лишь в себе, теряет ориентиры и единство самопонимания (М. Шелер, Э. Кассирер, Х. Ортега-и-Гассет и др.).

В культурной атмосфере отсутствия единой антропологической парадигмы, разочарования в новоевропейских ценностях разума, прогресса, преобразовательной деятельности большое распространение получили идеи философии экзистенциализма. Согласно А. Камю, преодоление абсурда является важнейшей задачей человека. Ведь мы движемся к небытию, но в то же время надо выдержать, выстоять в напряженном соотношении между нашей любовью к жизни и неизбежностью смерти. Поэтому для части наших современников совершенным человеком представляется Сизиф, упорно совершающий свой бессмысленный труд. Перефразируя Тертуллиана, можно, пожалуй, так выразить лозунг атеистического экзистенциализма: «Живу, ибо абсурдно».

Итак, мы рассмотрели только четыре варианта представлений о совершенном человеке, присутствующих в ментальности современного европейца. В нашей культуре сложилась ситуация, когда альтернативные философско-антропологические учения ведут спор, борьбу между собой. Это взаимодействие проявляется как на общественном уровне, так и на личностном. В связи с этим возникает проблема выбора таких способов существования и соответствующих им самопониманий, которые отвечали бы требованиям, предъявляемым современной культурной ситуацией, характеризующейся многообразием ценностей, смыслов, идеалов, отсутствием единого политического, культурного, религиозного центра.

Проблема выбора идеала

Позиция догматизма

В условиях поликультурности, являющейся одной из главных характеристик культуры постмодерна, возможны различные стратегии существования и выбора идеала. Среди этих подходов *догматизм*, как правило, рассматривается в качестве наиболее нежелательной жизненной позиции, т. к. он сопряжен с узостью мышления, отсутствием уважения к противоположному мнению, стремлением подавить инакомыслие, насильственно навязать всем свою точку зрения. Понятно, что в условиях сосуществования отличных друг от друга культур силовое навязывание каких-либо ценностей будет разрушать общественное согласие, вызовет противодействие со стороны людей, желающих отстаивать свой образ жизни.

Представляется, что культура, придерживающаяся догматической позиции, не может иметь достаточно прочного основания. Продуцируя нетерпимость к чужим взглядам, она содействует, с одной стороны, появлению такого же враждебного отношения к себе со стороны противников, а с другой, в условиях отсутствия позиций,

отличающихся от нее и/или ей противоречащих, лишается стимулов к саморазвитию, а также теряет самосознание. Ведь, как указывал М. М. Бахтин, для того чтобы «Я» мог осознавать самого себя, мне нужен отличный, непохожий «Другой», благодаря которому «Я» могу осознать свою уникальность. Моя вненаходимость «Другому» делает наши отношения творчески продуктивными, поскольку мы по отношению друг к другу обладаем «избытком видения». Таким образом, эта пространственная, временная, ценностная и смысловая вненаходимость не отрицает, а, наоборот, предполагает наличие сущностных точек соприкосновения между «Я» и «Другим» [3, с. 15-16].

Позиция релятивизма

С учетом негативного опыта догматизма среди интеллектуальных кругов наиболее популярной, пожалуй, является позиция умеренного *релятивизма*, предполагающая отсутствие полной истины у кого бы то ни было и наличие ее в большей или меньшей степени практически у всех. Данная точка зрения представляется тем, кто ее разделяет, наиболее правильной, способной защитить человека от духовного и политического насилия, нацелить его на поиск более полной истины, обеспечить подлинно человеческое существование. Так, подчеркивая актуальность и истинность былых культур, В. С. Библер пишет, что лишь при осознании в своем внутреннем мире, в своем мышлении присутствия Другого, диалога разумов различных культур-личностей, претендующих на всеобщность, возможно нравственное общение человека с другими людьми. «Без этого внутреннего «микросоциума»... я буду или убеждать, или переводить в свою веру, или что-то внушать... Лишь бы изничтожить его «инаковость», «вненаходимость» (Бахтин)» [5, с. 9]. Однако из этой в целом правильной мысли порой делаются выводы, губительные для диалога и для человеческого существования.

Во-первых, крайне релятивистская позиция, согласно которой у каждого своя истина, не нацеливает на ее поиск. Но без поиска истины диалог протекать не может, а жизнь становится лживой, неподлинной.

Во-вторых, диалог предполагает умение встать на точку зрения другого, увидеть его правоту, усилить его позицию. Признание правоты всех позиций, которые рассматриваются как различные проявления единой истины, возможно, но, скорее, не в качестве вывода, не в качестве окончательного решения, а как проблема, стимул для дальнейшего поиска истины. Если равная значимость иных культур-личностей основывается на монистической картине мира, согласно которой иные позиции рассматриваются как различные проявления единой истины, то логика диалога легко подменяется логикой диалектики, рассматривающей противоречия как силу, ведущую к снятию противоположностей в едином синтезе. Если же субъекты диалога растворяются друг в друге, если они теряют свое отличие, вненаходимость, то они не могут увидеть себя со стороны и сказать друг другу то, в чем они нуждаются.

В-третьих, признание равной ценности других культур-личностей не должно вести к отказу от индивидуального выбора и связанного с ним предпочтения. В противном случае человек перестает быть соучастником бытия. На невозможность через бесконечный мир смысла быть причастным одному единственному бытию, в котором мы только и можем находиться, указывал М. М. Бахтин [см.: 1, с. 43]. Ранее его о значимости воли и выбора рассуждал С. Кьеркегор. Датский мыслитель писал, что в процессе своего существования человек вынужден совершать действия, которые предполагают не гегелевское «и — и» (снятие и примирение противоположностей), а суровый выбор «или — или». Таким образом, человек не может в конкретной ситуации совершить выбор, удовлетворяющий требованиям всех разумов прошлых и настоящих культур. Находясь в определенной ситуации, человек должен совершить какой-то определенный выбор. Часто мы совершаем его, не зная во всей полноте фактического состояния дел, не умея просчитать все последствия нашего поступка. Выбор в ситуации неизвестности перед лицом небытия человек должен совершить

опираясь лишь на веру, которая предполагает убежденность (Евр. 11:1). Во многом такая убежденность имеет своим истоком внерациональные сферы, но она, на наш взгляд, не обязательно противостоит разуму, как это полагал С. Кьеркегор.

В-четвертых, неуверенность в существовании правды жизни, например, ряда этических норм, которые никогда нельзя преступать, приводит на практике к интеллектуальной нерешительности и аморализму. Интеллектуальная нерешительность мешает мобилизации воли. Ведь когда для достижения поставленной цели требуется преодоление существенных препятствий, необходима основанная на разуме уверенность в правильности своей позиции [11, с. 21-22]. В противном случае возможен отказ от жизненно важных ценностей, таких, как свобода, благоговейное отношение к человеческой жизни, рождение и воспитание детей, защита своей страны и т. п. Аморализм же делает невозможным совместное существование индивидов, т. к. в условиях отсутствия каких-либо норм, смыслов, ценностей, идеалов поведение индивидов становится непредсказуемым, а потому они не смогут наладить взаимодействие, поддерживающее их существование.

В наши дни отказ от оценочных суждений приводит к тому, что некоторые отечественные исследователи сознательно воздерживаются от осуждения тоталитарных режимов нашего столетия, отказываются искать справедливость, ссылаясь на отсутствие надмировых, внеисторических критериев [например: 9, с. 49; 12, с. 73]. Данная позиция представляется достаточно опасной. Исторический опыт показывает опасность релятивирования морали. Ведь если в большинстве окажутся люди, признающие звериные законы, то общество будет основываться на бесчеловечных нормах. Так, в нацистской Германии «недочеловеками» считали тех людей, которые не являлись так называемыми арийцами.

Во многом под влиянием К. Поппера, в наличии каких-либо абсолютов видят причину догматизма и нетерпимости. Однако, на наш взгляд, плюрализм и релятивизм также не защищают от нетерпимости. Как показывает опыт, притеснения инакомыслящих случаются не только со стороны людей, верящих в истинность только своей позиции, но и со стороны тех, кто допускает существование множества различных путей к истине, кто разделяет ценности плюрализма. Последние порой крайне негативно относятся к позиции, отстаивающей свою уникальность, отличность от всего другого [10, с. 42-43]. Верящих в истинность своих взглядов все чаще называют «воинствующими», «фундаменталистами», «социально отделенными», «нетерпимыми». Им труднее становится продвигаться по социальной лестнице, отстаивать свои убеждения.

Как же получается, что неуверенность плюрализма в правоте какой-либо отдельной позиции в определенной ситуации обращается в нетерпимость тех, кто не согласен с его мировоззрением? Дело в том, что плюрализм сам может впадать в догматизм, когда заявляет об отсутствии у кого бы то ни было полной истины. Данное утверждение также притязает на абсолютную истину. Таким образом, мы попадаем в заколдованный круг: вера в какие-либо абсолюты, согласно плюрализму, является источником нетерпимости, но само стремление уничтожить веру в абсолютную истину рождает новый абсолют, порождающий новый догматизм.

Почему же абсолюты, порождаемые мышлением, так живучи? Согласно М. Шелеру, метафизическое чувство, или идея того, что нечто существует посредством самого себя и находится в основе всех вещей, лежит в основе самой сущности человека [см.: 13]. Поэтому свобода выбора, по М. Шелеру, у индивида заключается лишь в избрании из множества ценностей или хорошей и разумной, или плохой и противной разуму идеи абсолютного. Философы, не согласные с такой трактовкой природы человеческого разума, говорят от том, что абсолютистское мышление свойственно не всякому, но преимущественно европейскому рационализму. Восточный же тип мышления отличается не линейной, а точечной структурой. Поэтому он более гибок, ему не свойственно завоевательно-покорительное отношение к действительности.

Однако восточный тип диалога, по-видимому, также не может решить проблему терпимости. Так, на его базе не произросло общество с демократическим устройством, но, напротив, для восточных культур характерна традиционность, иерархичность, строгое подчинение младших по возрасту и социальному положению старшим. Как правило, терпимо относясь к взглядам и верованиям иных народов, восточная культура негативно относится к инакомыслию в собственной среде, хотя и допускает ограниченную рамками традиции вариативность взглядов, жизненных стратегий. Как видно, и восточный, и западный типы коммуникации не лишены недостатков, не способны во всей полноте защитить от нетерпимости. Поэтому популярные восточные учения, согласно которым Абсолют проявляет себя в бытии различным образом, а все религии имеют один божественный источник, не могут претендовать на роль объединителя человечества. Ведь не только настаивая на мирном сосуществовании различных вероучений, но убеждая своих последователей в их равной истинности, подобные «плюралистические» религии содействуют формированию негативного отношения к мировоззренческим позициям, заявляющим о своей исключительности.

Таким образом, защиту от нетерпимости не могут полностью обеспечить ни неуверенность в собственной правоте, ни убежденность в том, что полная истина отсутствует у кого бы то ни было, ни вера в то, что истина проявляется исключительно различным образом у различных людей и в различных культурах. Нетерпимость в духовной сфере вполне может стать причиной притеснения правильных взглядов. Поэтому сомнительно, что вышеописанные позиции смогли бы обеспечить сохранность постоянно рождающейся в жизни экзистенциальной истины и нацелить на дальнейшее приближение к подлинному существованию.

Позиция диалогизма

Согласно диалоговой позиции, признание значимости, актуальности других культур не должно вести к признанию относительности всех норм и к необоснованному отказу от своих ценностей. Участник диалога должен быть уверенным в их состоятельности, истинности и должен уметь отстаивать собственную позицию. Но без стремления понять Другого, без критического подхода к самому себе, своей культуре, без готовности пересмотреть и даже отказаться от своих убеждений, привычек диалог невозможен. Уничтожение собственной позиции, в свою очередь, знаменует смерть диалога, т. к. диалог протекает между отличными друг от друга индивидами. Но это отличие не всегда является чем-то или негативным, или положительным. Поэтому диалог нельзя абсолютизировать, рассматривать его как единственно возможный путь к истине, видеть в нем или нечто абсолютно необходимое, полезное, ценное, или нечто негативное, приводящее к смешению истины и лжи, к лишению индивидуальности и самобытности.

Как же возможно сделать правильный выбор, приблизиться к истине, обрести верное представление о человеке и из множества идеалов выбрать наиболее верный? Что можно ответить человеку, заявляющему либо об отсутствии значимых для него ценностей, смыслов, идеалов, либо о равноценности противоположных взглядов?

Как показывает опыт, на практике намного легче, чем в теории, доказать абсурдность позиции, стремящейся иметь алиби в бытии и рассматривающей мораль, познание, политику и все им подобное как иллюзии, самообман, трюки самовнушения. Скептик, считающийся в своих поступках с другими людьми, допускающий возможность взаимодействия между ними, учитывающий наличие внешних сдерживающих сил и организаций, необходимых для поддержания порядка, самой своей жизнью опровергает все доводы, им же и выдвигаемые. Поэтому именно поступок, сам процесс деятельности, общения в данном случае более действенно опровергает вышеуказанные взгляды, утверждает значимость тех или иных идеалов, нежели какие-либо рассуждения на эту тему. Ведь поступок утверждает или опровергает существующий порядок, следовательно, прини-

мает его бытие. Таким образом, через поступок человек становится участником события, занимает позицию не-алиби в бытии. Поэтому М. М. Бахтин в своем раннем произведении пишет: «Действительно быть в жизни — значит поступать» [1, с. 43]. Под «бытием» вначале он понимал поступок личности, бытийствование которой состоит в напряженном и постоянном общении с другими личностями. Позднее в книге о Достоевском Бахтин скажет: «Быть — значит общаться диалогически» [2, с. 153].

Таким образом, диалогизм видит один из возможных выходов из лабиринта мнений и заблуждений в обращенности мышления от теоретизирования к воплощению в поступок. Иными словами, интеллектуальная активность своею целью должна иметь не саму себя, а действительные отношения человек а) с его окружением, б) с самим собой, в) с трансцендентным. Поэтому, для того чтобы терпимо относиться к Другому и приблизиться к правде существования, следует не столько отказываться от веры в абсолютную истину, сколько изменить способы отношения к самому себе, другим людям, природе, духу. По-видимому, следует, критически относясь к себе и к Другому, уметь ориентироваться среди множества смыслов, идеалов, ценностей и сосуществовать так, чтобы можно было обрести себя и связь с Другим.

Какое же из представлений о человеке, какой идеал человеческой жизни наиболее отвечает вышеприведенным условиям? Согласно диалогизму, настаивающему на невозможности адекватной передачи экзистенциальной истины методами, применяемыми в науке, правильно ответить на этот вопрос за нас никто не сможет, потому что правильность понимания полученного ответа зависит от причастности к совместному бытию и от рождающегося из этой причастности опыта. Ответ на этот вопрос нам следует искать самим, находясь в диалоге с иными «культурами-личностями» (М. М. Бахтин, В. С. Библер), и не перекладывать бремя свободы на других. Но каков бы ни был наш выбор, необходимо помнить о его последствиях для себя и другого. В таком случае из диалога, протекающего в существовании, т. е. диалога экзистенциального, учитывающего ценность иных взглядов, позиций, убеждений, предполагающего взаимоприятие, взаимоуважение, взаимодопущение и вместе с тем предполагающего борьбу, спор равных, произрастет такой идеал, такое понимание человека, которые будут соответствовать реалиям совместного бытия и в которых каждый найдет свое место, потому что каждый принимал участие в их формировании. И хотя вышеизложенный взгляд сам является лишь идеалом, однако его осознание содействует воплощению осознанного в нашу повседневность, благодаря чему наша жизнь одухотворяется и становится человечней.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М. М. К философии поступка // Бахтин М. М. Работы 20-х годов. Киев, 1994.
2. Бахтин М. М. Проблемы творчества Достоевского. Киев, 1994.
3. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.
4. Библер В. С. Нравственность. Культура. Современность (Философские раздумья о жизненных проблемах) // Этическая мысль: Науч. -публицист. чтения. М., 1990. С. 16-57.
5. Библер В. С. О сути диалогизма // Вопросы философии. 1989. №7. С. 5-10.
6. Библер В. С. От наукоучения — к логике культуры: Два философских введения в двадцать первый век. М., 1990.
7. Гадамер Г. -Г. Миф и разум // Гадамер Г. -Г. Актуальность прекрасного. М., 1991. С. 92-99.
8. Кассирер Э. Опыт о человеке. Введение в философию человеческой культуры // Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке. М., 1998. С. 440-722.
9. Китаев П. М. К анализу мироощущения (ментальности) россиян // Человек в условиях социальных преобразований. Материалы научной сессии НИИКСИ 1995 г. СПб., 1996. С. 46-50.
10. Клементс Р. Христианство в современном мире. Новосибирск, 1997.
11. Маритен Ж. Философ во граде // Маритен Ж. Философ в мире. М., 1994. С. 17-23.
12. Поздняков Э. А. Философия государства и права. М., 1995.
13. Шелер М. *Ordo amoris* // Шелер М. Избранные произведения. М., 1994. С. 339-377.